

Александра Фомина

НЕ БУДИ МЕНЯ НА КРАСНОЙ ЗАРЕ

Фантастический рассказ

Ежику семь лет. Старый он. Редкий еж доживает до такого возраста, но ему повезло. В очень хорошем месте живет. Видит он плохо. Ходит медленно, а бегать и вовсе перестал. Только пыхтит и сопит по-прежнему шумно и зло. Нора у него под большой корягой. На опушке. Недалеко большая река, а рядом с ней маленькие и большие протоки, ручейки - там всегда много слизняков и улиток. Бывает, что и лягушку ему удастся прихватить - большую какую-нибудь или оцепеневшую от холодной ночи.

Лето стоит сухое, жаркое – клещи донимают ежика меньше обычного, хотя и сейчас на нем с десятков мерзких кровавых пузырей – сосут и сосут из него кровь. Избавиться от них он не может – собственные иголки мешают, и лапки с длинными проворными пальцами и когтями бессильны против этой напасти.

Есть у ежика соседи. Белка с бельчатами на соседнем дереве. Весь день туда-сюда шмыгает. Хорошо, хоть ночью в дупле сидит. Перепелки с гнездами на земле. Любит ежик перепелиные яйца. Кричит перепелка, пытается не пустить ежика к гнезду, да куда там – он и внимания на нее не обращает, толкает иголками в сторону. Лиса часто пробегает. Не раз пробовала закатить ежика в воду, чтобы ухватить его за мордочку, когда он развернется, да не выходит у нее ничего – трава слишком густая у воды, не катится туда ежик.

Живет рядом с ежиком и человек. Пришел как-то ночью. Лошадь его привезла. Топталась-топталась по опушке, чуть копытами ежика не задавила. Потом упал человек. Привалился к коряге, прямо к выходу из ежовой норки и захрипел. Ногами по земле елозил. Долго лежал. Чем только от него не пахло: и кровью, и гнилью, и потом с мочой. В боку у него стрела торчала. Запах ежику понравился, но человек ему мешал – из норки не выйти. Утро настало. Ушла лошадь. Зашевелился человек. Сначала ворочался, потом закричал громко – выдернул из себя стрелу, кровь на землю потекла. К ручью пополз. Охает, стонет, руками во все стороны водит – за ним кровавая дорожка в землю впитывается.

Только ежик из норки вылез – земля задрожала, топот, крики – ежик обратно в норку забился. Люди на лошадях по опушке ездят. Стрелу поломанную окровавленную увидели. Слезли с коней. Везде заглянули. Корягу с места сдвигали. Крепка коряга. Сто лет такая простоит.

Покрутились-покрутились вокруг и ускакали. Ежик пошел по кровавой дорожке насекомых собирать.

Через два дня снова встретил человека. Не ушел он. На соседней опушке обосновался. Шалаш из веток себе построил. Стал лягушек ловить – больших, каких ежик не мог своей узкой мордочкой ухватить. Костер разводил. Дыма напустил, белке это не понравилось. И ежику уходить с насиженного места надо: съест его человек. Да ведь старый ежик-то, привык к своей норке под корягой.

Не пришлось ежику новый дом искать-обустраивать. Повезло ему. Хотя и поесть-то сегодня ночью не удалось. Только из норки вышел - загрохотало что-то. Светло как днем стало, все вокруг красным светом светится. Беспокорно как-то. Лес звуками наполнился. Запыхтел и ежик. В норку опять залез. Белка по веткам как сумасшедшая скачет, бельчата в дупле кричат, мать зовут. Лягушки в красной воде прыгают, громче обычного квакают. Человек на его опушку пришел. Дрожит весь, озирается. Постоял-постоял и под корягу ежиную заполз с другой стороны. Задышал тяжело. Гроза что-ли идет... Ни по чем ежику гроза, да только плохо ему стало. Не встают старые лапки. Не может он из норки выйти. Так и просидел там всю ночь. К утру затихло все. Ежик полежал-полежал, да и вышел. Вырвало его. Пошел к ручью, попил воды. Слизняка мертвого учуял. Хотел съесть, да не смог – опять вырвало. Пришлось обратно в норку вернуться.

Прошел день. Ежику совсем хорошо стало, только голодный он очень. Вылез из-под коряги. А человек все там, с другой стороны лежит, не шевелится. И не дышит даже. Пошел ежик по своим обычным местам. Еды много, только мертвая она вся: и слизняки, и улитки. Перепелка на своих яйцах лежит, белка под деревом валяется, и бельчат в дупле не слышно. Пошел дальше – на лисицу наткнулся. Лежит, глаза широко раскрыты, на ежика смотрит. Свернулся он в клубок. Не толкает его лапами лисица к воде. Развернулся. Обнюхал лисицу со всех сторон. Не опасна она ему. Лягушки все на берегу лежат. Долго их ежик ел. Потом стрекозу увидел. Никогда он стрекоз не ел, разве их поймает. А тут лежит себе на земле. Съел и ее. Устал. Еле до норки своей дошел. Тяжело с таким брюхом ходить. А человек так за целый день и не выполз из-под коряги, не пошел в свой шалаш. И воду пить не ходил. Не беспокоил ежа.

На следующую ночь ежик дальше по своим владениям пошел. Там живые все. Трудно ловить-то их, живых. И от норки далеко. А что делать, протухли уж слизняки дохлые. Не нужна ежику такая еда.

Ежику семь лет. Старый он. Нравится ему жить под корягой. Правда, уж и не коряга это – одна труха. На костях еле держится. Человечьих. Не ушел тогда человек. Одно беспокойство от него ежу было. Кто только не приходил к коряге мясо с костей обглаживать: и волки, и лисы, даже медведь не побрезговал. Чуяли они ежа, беспокоили. Хоть и не боится он их, не подкатить его к воде, а все ж не погуляешь свободно, пока рядом они сидят, чавкают. Быстро они человека съели. Хорошо. Не пришлось ежику дом покидать.

Давно это было. Кости уж все белые, хрупкие. Сами того гляди в прах рассыплются. Ветки сквозь них проросли, вот и держится коряга на таком каркасе.

Заходят на его территорию другие ежи. Поживут-поживут, да уйдут. К ежику не подходят. Не нужен он им, и они ему не нужны. Весной целый месяц жила рядом с ним ежиха. Молодая совсем. Приходили к ней другие самцы, кружились возле нее, иголками друг

друга толкали. Ежик, от греха, в норе своей в это время сидел. Долго она их к себе не подпускала. Наконец, один еж возле нее остался. Потом ушли оба.

Ежику семь лет. Старый он. Рассыпались кости, коряга в землю превратилась. Ручей пересох. Пропала вода. И еда вместе с ней. Пришлось ежику на другое место перебираться. Нашел себе другую нору. У озера. И дорога рядом проходит. По ней люди целый день туда-сюда ходят. Ночью костры у озера жгут. Ежик потом по остывшей золе катается. Угольки в иголках застревают. Не любят этого клещи, уползают с ежа. Шумят люди по ночам. Песни поют. Хорошо это для ежа. Филин близко не подлетает, боится людей. От филина-то беда для ежика. Никак не спастись. Вот и глаза одного уже нет – как-то филин его ночью схватил. Вырвался ежик, да без глаза одного. Ничего, нюх по-прежнему острый, а глаза и одного подслеповатого хватает.

Люди едят у костров. Картошку в золе пекут, ежик потом в золе ее запах чует. А самой картошки нет. Все съедают люди. Дерутся из-за еды. А что люди бросили – собаки подбирают. Ничего ежику не остается. Один раз чуть его самого не съели. Собака его нашла, за иголки схватила, к костру принесла.

Раскричались люди.

-Образина эфиопская!

-Выродок ежиный!

-Чур-меня-чур, сатана пришел!

А один встал, затрясся, закрестился как сумасшедший.

-Избави мя, Господи, от обольщения богомерзкого и злохитрого антихриста, близ грядущего, и укрой меня от сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения.

Уж и нож достали – ежика убивать. Да встал мужик один, седой весь, взял ежика, положил себе на ладонь.

-Старый он. Вот и страшный такой. Я тоже старый. Что, и меня убивать будете? Помирать ему пора. Без вас Господь его порешит. - И закатил ежика в темные кусты. А там уж ежик со всех ног поспешил в свою нору. Уж как мог, так и поспешил.

Хоть и страшно с людьми рядом, а все ж не ушел ежик от дороги. Лошадей там много. Навоз от них. Ежику и ходить далеко не надо: весь зимний жир на жуках-навозниках да медведках собирает.

Ежику семь лет. Старый он. Одноглазый. Плохие времена для него настали. Не спокойно на дороге. Шумят люди. Много их. Грохочут. Лошади пушки огромные тянут, телеги. Вокруг них люди суетятся, кричат – сами себя не слышат. Огонь, дым. Гарью пахнет. Аж земля дрожит. Только как дождь пойдет – спокойнее становится. Не стреляют. Ночью ямы копают – мертвых людей закапывают. Ежик из норки боится выходить. Голодает. А ведь зима скоро. Однажды целый день грохотало, норку ежиную землей засыпало. Еле вылез он потом. Тихо вокруг. Луна светит. Принюхался. Ничего нос не чувствует: только кровь. Везде люди мертвые лежат. И лошади мертвые. Никто их не закапывает. Пошел ежик к дороге. Лапки черные, с пяточками по вязкому идут. По мяса кускам идут. Все брюшко у ежика в

крови. Да не в своей, в человечесьей и в лошадиной. Дошел до озера. Попил воды. С лапок, с брюшка кровь слизал. Пошел насекомых есть. Много их на кровь приползает. И прилетает. Сидят на мясе, едят. Остановиться не могут. Не замечают ежа. Хорошо ежику, нагуляет жира к зиме.

Ежику семь лет. Старый он. Одноглазый. Живет у озера. Переменилось озеро, заболотилось. Лес в сторону отступил. Филин пропал куда-то. А ежику все хорошо да хорошо. И уходить никуда не надо. Рядом дорога по-прежнему шумит. Стала гладкая, серая. Летом на жаре и лапкой на нее не ступить – обожжет. Лошадей больше нет. Нет и навоза. Да ежу и не надо – у людей столько еды стало, что уж и не съедают ничего, все у озера бросают. Всем хватает: и ежику, и мышам-полевкам, и лисам, и собакам бродячим. Не нужен им больше ежик. Себе дорожке к воде его катить, об иголки колотьяся, когда столько еды на земле лежит. Люди по-прежнему у озера сидят, костры жгут. Песни поют, кричат.

Однажды чуть не умер ежик: засунул голову в банку жестяную, жир хотел облизать, да и застряла голова. Долго он мучился, не мог банку с головы снять, иголки мешают, держат банку на голове. Люди помогли. Увидели его, засмеялись и сняли банку. Перестали смеяться, отпихнули брезгливо ежика под куст. Но еды ему оставили, да. Хорошие стали люди, не злые. Не стали с ним играть, мучить его. Полежал ежик клубком под кустом чуток, да и съел все, что ему оставили.

На дороге часто видит ежик мертвых сородичей. Переходят дорогу, а на них что-то яркое, шумящее мчится. Они в клубок сворачиваются, не убегают. Ежик давно к такому привык и знает: тут уходить надо, а не в клубок сворачиваться.

Хорошо ежику с людьми. Рядом с озером большой поселок вырос. Люди огороды сажают. На капусте слизняков ночью – ешь не хочу. И помойка рядом. Ежик туда каждую ночь ходит. А днем никогда, нет. Не любят люди на него смотреть, волнуются. Камень бросить могут. Отгоняют его. Да ежику что – он и сам никого видеть не хочет.

Алеша и Миша каждое лето проводят на даче. Так хорошо у них тут, что даже на море никто ехать не хочет. Дача у них старая, ее еще прадед их, Иван Павлович, строил. Живут они тут с бабушкой, а родители к ним на выходные приезжают. Тогда уж такое веселье-развеселье наступает, что и не сказать: шашлыки жарят, на велосипедах далеко с папой уезжают. У них и байдарка есть. На машине на реку уезжают, байдарку на воду и плывут на другой берег на песчаный пляж. И ночью допоздна можно не спать. И ноги на ночь не мыть. Не помнит про это мама. Не то, что бабушка.

Сегодня суббота. Алеша с Мишей шашлыки жарят. Алеша, хоть и младший брат, по мясу – главный специалист. Мишу с разными поручениями посылает: то брызгалку ему принеси, то вилку – мясо попробовать.

Наелись все шашлыков – не встать. А бабушке не сидится. Убираться начинает, чтобы утром, когда встанешь, все уже чисто было. И вспомнила она про помойное ведро. Оно у них старое, с дыркой на дне, а родители все забывают новое привезти. Только бабушка ругаться начала, что опять ведро забыли купить, а папа раз – и вынимает из багажника новенькое, ярко-красное ведерко.

Миша с Алешей сразу хватя старое ведро и ну его пинать. Можно уж теперь. На помойку побежали выкидывать. Бегут и пинают ведро вперед со всей дури, как мяч футбольный. Темно, спят уже все. Ведро грохочет, смеются они, а бабушка за ними с криками «Тише, тише!!» бежит. Да разве ей мальчишек догнать. Летит ведро вперед, на заборы налетает, по камням катится. Ох и сильны ноги у мальчишек.

Ежик беду издалека услышал. Да лапки быстро не бегут. Семь лет ведь ежику. Старый он. Одноглазый. Не успел с помойки уйти. Ведро прямо на него и налетело. Сшибло с лапок, к земле прибило. Оглушило. Лежит ежик ни жив, ни мертв.

Подбежали к ведру мальчишки. За ними бабушка. За ней папа с фонарем. Стоят все, молчат. Первой, конечно, бабушка заголосила.

- Смотрите, что вы наделали! Ежика убили! И соседей всех перебудили. Люди отдыхать на дачу приезжают, выспаться, а вы... На всех вам плевать!

Махнула рукой бабушка, обратно пошла. С мамой на тропинке встретила, которая уж тоже за ними пошла. Сказала ей про ежа. Поругалась на мальчишек, на папу. Всем от бабушки досталось.

Подошла мама к помойке.

- Вы что, ежа убили? - спрашивает.

- Да. Помойным ведром, - папа отвечает. И напевает: «Запрятанный за углом, убитый помойным ведром...».

- И не жалко? - продолжает мама строгим тоном.

- Да жалко нам ежика, жалко, - отвечает ей папа. - Пацаны, сейчас врежу вам самим помойным ведром по башке.

Миша с Алешей стоят, молчат. Жалко им ежика. Не хотели они его убивать. Нечаянно получилось.

Подошел папа к ежику. Отодвинул ведро, осветил на него фонарем.

- Господи, урод какой... Да он старый совсем! Одноглазый. Сам бы завтра помер. Это, типа... эвтаназии. Вот что. Спасли его от мучений. От жизни тяжелой освободили. Ладно. Завтра утром придем, похороним его по человечьи.

Подошла мама к ежику, посмотрела. Ойкнула и отошла.

Отпихнул папа ежика под куст поглубже, зашвырнул помойное ведро в контейнер. Пошли все спать расстроенные.

Очнулся ежик. Полежал под кустом и поплелся к себе под сарай. Залег в норку. Ничего.

Только лапка задняя левая болит.

Ежику семь лет. Старый он. Одноглазый. Лапку заднюю левую приволакивает. Все в том же месте живет. В поселке. А озера больше нет. Исчезло куда-то. И лягушки вместе с ним. Тогда ежик окончательно в поселок и перебрался. Под сараем место себе хорошее нашел.

Заросла дорога. Не опасна она больше для ежей. Мчущиеся светящиеся теперь по воздуху летают.

Красная Заря снова приходила. И лес красным светом светился, и трава на лужайках, а только не умер никто. Белки как прыгали по веткам, так и прыгали дальше. И люди много кричали. Потом успокоились все. Как раньше жить стали.

Ежику семь лет. Старый он. Одноглазый. Лапку левую заднюю приволакивает. От поселка два дома осталось. Под одним из них и живет ежик.

На охоту за насекомыми да лягушками больше не ходит. И на помойку тоже. Да и нет ее уже, помойки то. Людей почти нет, откуда помойке-то взяться.

Кормят его. Хорошо кормят. Каждый вечер миску полную ему оставляют. Собака прибегает. Любит его. Визжит ласково как увидит. Из миски его не ест. У нее своей еды полно. Лапами не толкает, не катит никуда. Да и как ей катить, старая она очень. С самого щенячьего детства с ним знакома. И до нее такая же была: рыжая, большая. И до той такая же. Все были такие. Привык к ним ежик. Да и что ему? Все равно.

- Дуся совсем плоха. Пора уже ей.

- Сама вижу. Мог бы и не говорить.

- Да что уж ты? Не первый же раз, все не привыкнешь никак. Она у нас какая по счету? Седьмая?

- Девятая.

- Может, сейчас новую закажем, а? Пусть познакомятся.

- Нет.

- Да почему?

- Нет и все.

- Давай породу переменим. Надоели мне ирландцы.

- Нет. Ты сам их выбрал.

- Так-то в первый раз было! Сколько лет прошло...Разнообразия хочу. Давай кого-нибудь побольше или поменьше...

- Нет.

- Ну как знаешь.

Старик медленно идет по саду. На деревья смотрит, ощупывает их. Старые они все. Раскоряченные.

- И яблони пора менять.

- Тебе что, яблоки нужны?

- Ну...

- Ты ежу миску поставил?

- Да. Кстати, знаешь, тут подумал: этот еж, он не один и тот же к нам столько лет ходит?
- Не может быть. На животных Красная Заря не повлияла.
- Вроде он на лапку заднюю хромает. Ты не замечала?
- Нет. Он ведь когда темно приходит. Не могу разглядеть.
- Да как же ты не заметила? Ты ж его каждый год Дуськиным снадобьем от клещей брызгаешь!
- Я вижу плохо! Забыл? Ежик как ежик. Симпатичный. А Дуся любит его.
- Они все его любили. Слушай, давай его краской пометим, что б точно понять.
- Да зачем?
- Ну как, помнишь, в первые годы после Красной Зари всех просили сообщать, если какое животное тоже бессмертным стало.
- Делай как хочешь. Я прилягу пойду.

На соседнем участке шум. Старуха прислушивается. Звонят детские голоса, и у родителей голоса молодые, громкие. Мяч ударился в забор. Заплакал ребенок, засмеялся второй. Старуха раздраженно встает с кресла.

- Приехали. Опять этот кошмар. Сколько мне еще мучиться, а? Надо переезжать. Я все ждала, когда они переедут. Чего ждут – не понимаю... Все должны жить со своим возрастом. И дети эти... Зачем... Она сумасшедшая какая-то.
- Завела свою шарманку...

Старик подрезает ветви у яблони. Находит одиноко висящее яблочко, срывает его, рассматривает и пробует откусить. Не получается у него ничего. Вздыхая, идет он в дом за ножом. Старуха наблюдает за соседями. Когда возвращается старик, она возобновляет свою взволнованную речь.

- Сколько тысяч лет мне еще смотреть на ее молодое тело?
- Да какое тебе дело до ее тела? Я на него не смотрю, и ты не смотри.
- При чем тут ее тело?? Я после него на свое смотреть не могу! Это несправедливо! Несправедливо! Все должны были дожить до старости, и только тогда стать бессмертными.
- Ага. Напиши заявление в звездную канцелярию. Сто раз уже обсуждали. Хватит. Вот все выяснят и состарят всех. И еще не факт, захотят ли они.
- Как это не захотят?
- А ты не думала, что и постарше нас люди были? Мы хоть на своих двоих и в своем уме... Может, они нас тоже молодыми считают. Может, раздражаем мы их тоже.
- Да если еще старше, зачем так жить? Я с утра встать не могу – болит все. Все одинаково для всех должно было быть! А она с утра, я видела, ни лица помятого, ни... Зарядку делает!
- И ты делай.

- Да мне-то зачем? Я лучше не стану. Никогда не стану. А она... Так нельзя было!

Голос у старухи дрожит. Слезы на глазах.

- Да что, мы решали, что ли?? Совсем все позабыла, старая дура? Внешний источник излучения неизвестного происхождения. Красной Зарей назвали.

- Лучше б оно меня убило, это излучение. Или раньше случилось, когда я молодая была!

- Не хочешь жить, иди, на эвтаназию запишись. Я новости смотрел, там очередь уже образовалась.

- Сам записывайся.

- Да мне то что, мне нормально. Я вот ежа на исследование хочу сдать. Где у нас краска была? Помечу его, что б точно. А то я не пойму, тот еж, не тот... вот глаза, черт, ничего толком не видят.

- Вот. А этот, сосед, и видит хорошо, и слышит, а тело у него какое... все деревья в саду обпилил, в порядок привел. А у нас заросли, я пройти нормально не могу.

- А ты все в чужой сад смотришь... На соседа. Ой... Дуся померла.

Под деревом лежит ирландский сеттер. Старый. Вот и помер. Старик смотрит на него, вздыхает. Старуха подходит к нему, обнимает. Некоторое время они стоят молча, глядя на мертвую собаку.

- Сейчас позвоню насчет щенка. Скажу, что б сегодня привезли.

- Тоже Дусей назовем, да?

- Конечно. Где мы еще могилу не копали, не помнишь?

- У нас везде уже мертвые собаки... Давай отнесем куда-нибудь.

- Нет. Тяжелая она. Да и земля у нас порыхлее. Спина совсем не гнется копать.

Старик охает, вздыхает и кряхтит. Копает могилу для собаки. Дело у него идет медленно. Старуха молча стоит рядом.

Ежик, как обычно, поздно вечером пришел к своей миске. Щенок, рыжий и резвый встретил его тонким лаем. И нос уколел, и катить ежика пытался, и вообще, от радости чуть с ума не сошел. Ничего, привыкнет. Ежик таких уж много здесь видел. Ему то что.

На следующий день старуха не выходила из дома.

- Так и не выйдешь?

- Пока не уедут – нет. Не могу это зрелище молодое выносить. Ты ежа-то краской вчера пометил?

- Нет. Я им позвонил, не отвечает никто. Автоответчик. Закрыто, мол, исследование. Наплевать уже всем, что, почему случилось...

- Я ж тебе говорила: на животных Красная Заря не подействовала. Это всем давно известно.

Старик выходит в сад, подходит к забору и наблюдает за соседями. Красивая молодая женщина в купальнике лежит на траве. Ее муж упражняется с гантелями. Тяжелые гантели легко перелетают из руки в руку, мускулы на спине играют. Их занятия прерывает детский крик.

- Мама! Я покакала. Вытри мне попу!

Женщина вздрагивает. Муж, не прерывая упражнений, улыбаясь, смотрит на нее.

- За что мне все это? – Женщина резко встает. – Я восемьдесят пять лет ей попу вытираю! Разве я об этом мечтала? Учю ее учю, все зря. И Димка не читает никак.

- Да как ты их научишь, если возраст не подошел? Не дозрели они. Если б их Красная Заря постарше накрыла... Я тебе предлагал. Помнишь? Еще лет десять назад.

- Когда это кончится?

- Видимо, никогда. Кого как Заря облучила, в том возрасте и живет. Ты и сама все знаешь.

- Да что я теперь тысячу лет их обслуживать должна, этих вечных детей? Я не могу больше. Они мне жить не дают. Ты знаешь... я их больше совсем не люблю... Ужас, да? Тебя люблю, а их нет.

- Выход известен. Мы уж, наверно, одни остались, кто детей у себя держит. Бессмертные дети – самые бесполезные существа. Даже старики, и те лучше. А вообще нет. Ни те, ни другие не нужны. Их всех обслуживать надо. Мы вечно их должны обслуживать. Вот соседи наши – смотреть противно. Опять щенка взяли. Сто лет одинаковая собака перед глазами. С ума сойти.

- Да. Старуха на меня так смотрит... Как будто убить хочет. Давай уедем отсюда.

- Вот и молодец. Я просто на тебя давить не хотел. Я тебя люблю. А дети... Они мне давно не нужны.

- Помнишь, я когда-то третьего ребенка хотела.

Мужчина смеется.

- Сто лет назад. А если б сейчас новые рождались, представляешь, какой кошмар был бы...

- Может, они бы нормально старились и умирали!

- А мы тогда что? Меняли бы их как соседи собак меняют? Старые померли, мы новых рождаем?

- Замолчи!

Женщина закрывает лицо руками и плачет. Мужчина молча смотрит на жену. Она очень красива: гладкая, молочно-белая кожа, круглое, миловидное лицо. Он прижимается к ней, дышит ее телом.

- Сто лет оторваться от тебя не могу. Так я договорюсь? Завтра и переедем отсюда. Я уж и место присмотрел: без стариков. И детей сдадим.

- Мама, мама! Ты идешь ко мне?

Женщина медленно поворачивается на крик ребенка.

- Иду, иду. Да, договаривайся. Я их с трудом переносу уже.

- Любимая моя. – Муж целует женщину.

- Мама! Папа! Ежик! Смотрите какой большой! Ой, страшный, фу! Старый-престарый! Мама! Идите сюда! Мы его ловим!

Еле убежал от детей ежик. Успел под дом их забраться. Так и просидел там до глубокой ночи. Дети – самые противные, опасные существа для ежа. Не нужны они.

Ежику семь лет. Старый он. Одноглазый. Лапку левую заднюю приволакивает. Да ничего. Куда ему бегать-то, старому?

Ежик на прежнем месте живет. Там, где раньше озеро было. А теперь поле. Если лето жаркое стоит, так совсем пустыня. И есть бы ему нечего было, да люди рядом. И поят его, и кормят.

Поселок совсем другой стал. Из одного большого дома состоит.

Привык ежик к людям, давно уж с ними живет. Любят его люди. Смотреть на него любят. А ежику-то что? Все равно. Лишь бы еду давали.

Ходят они медленно, если вообще с кресел встают. Палки у всех. Не кидают их никогда в ежика, не тыкают его. Да и кто тыкать-то будет? Детей нет. Пропали они совсем.

Древние старики сидят на лужайке перед домом. Молча сидят. Глаза в пустоту смотрят. Это у тех, кто не видит совсем. А другие, у кого хоть какое-то зрение сохранилось, друг на друга таращатся. Раз-другой за час кто и скажет словечко. Иногда и поговорят чуток. Хотя, о чем говорить-то? За триста лет переговорено все.

Старик тяжело встает со стула. Одна из старух реагирует на его движение.

- Ты уходишь? Разве не будешь на ежика смотреть?

Старик не отвечает. Все его внимание поглощено процессом вставания и поворота в сторону дома. Другая старуха включается в разговор.

- Это такое счастье – видеть нашего ежика.

- Необыкновенной красоты ежик.

- Видимо, очень старый.

- Да, раз такой красивый, значит, старый.

- Нигде больше такого не встретишь, только у нас.

- Нам очень повезло.

Старик совершает свое медленное путешествие к дому. Остальные старики сидят все в тех же позах. Все молчат. Темнеет.

Ежик подходит к своей миске. Недовольно пыхтит. Уходит. Старики начинают шевелиться. Смотрят друг на друга и по сторонам. Наконец, одна из старух замечает, что в миске нет еды.

- Ежику еды не положили!

Среди стариков заметно оживление. Возмущенные лица. Возгласы.

- Какое безобразие!

- Если и дальше так пойдет...

- И меня сегодня не помыли.

- Совсем плохо нас обслуживают.

- Сестра, сестра!

На крики стариков выходит пожилая женщина. Поняв причину их возмущения, она уходит и быстро возвращается с тарелкой холодной овсяной каши. Вываливает ее в ежиную миску.

- Вот вам, для вашего уroda.

Старики успокаиваются. Ежик снова подходит к миске. Плохая еда у людей. Нет больше ни косточек куриных, ни колбасы. Ничего, у прудика на краю поселка улитки есть. Туда ежик и идет.

Пожилая медсестра разговаривает с напарницей.

- Я убью их ежиного уroda. Сами уроды, и еж такой же.

- И мне надоело. Обслуживай их вечно... Хорошо устроились.

- Мяса второй месяц не привозят. Электричество каждый час вырубается. Как воду качать? Никто ничего не чинит, никому ничего не надо. А нам что, надо??

- Да все уходить хотят.

- Знаю. Куда только? Везде разруха.

- Будем со своими жить. Корову заведем. Огород.

- А сможем со своими-то? Молодые, вон, все передрались, поубивали друг друга.

- Сил у нас нет, чтобы передрасться.

Женщины смотрят на стариков.

- Давно их надо было. Как детей.

- Сами от голода умрут.

Походил-походил ежик к своей миске. Пустая стоит. Старики молча сидят на стульях. Не шевелится никто. Тихо вокруг. Давно так сидят. Уж высохли совсем.

Ежику семь лет. Старый он. Одноглазый. Лапку левую заднюю приволакивает.

В хорошем месте живет. В лесу под корягой. От людей он ушел. Давно ушел. Да и нет их нигде, людей-то. И еды человеческой нет.

Рядом ручеек протекает. В небольшое озерко впадает, которое на месте старого вдруг появилось. Прошло лето дождливое, накопилась вода, и вдруг пруд образовался. А потом и озерко стало расти: источник холодный там забил. Рыба снова появилась, улитки. Лягушки заквакали. Ежик туда за едой ходит.

Белка по всей округе припасы закапывает, не помнит потом ничего. Ежик найдет белкины орехи, да и съест. Хорошо ему.

Ежику семь лет. Старый он. Одноглазый. Лапку левую заднюю приволакивает.

Осень. Холодно. Ветер дует. Утром изморозь на траве. Ежик толстый, жира много на зиму нагулял. Хорошо ему будет зимой. Переживет он зиму-то. И другие переживет. Залез в норку. Устроился. Заснул до весны. Тишина в норе.
